2.

ДѢЛО ПРИ ГИЛЛИ,

3-го Іюля 1844 года.

Одно изъ дѣлъ Генералъ-Маіора Пассека.

Весною 1844 года, въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ былъ собранъ отрядъ для наказанія возмутившейся Акуши и Аваріи. Уже все было готово къ наступленію, но въ горахъ не появлялся еще подножный кормъ. Горцы, пользуясь нашимъ бездѣйствіемъ, старались вновь возмутить Мехтулу и Шахмальство.—Чтобы прикрыть эти владѣнія и удержать ихъ въ повиновеніи, на границу Акуши высланъ былъ авангардъ: три баталіона Апшеронскаго, 38 Донской Казачій полкъ, въ составѣ 4 сотень, и шесть горныхъ 10 фунтовыхъ единороговъ. Начальство надъ нимъ поручено Генералъ-Маіору *Пассеку*.

Небольшой лагерь этого отряда расположился на возвышеніи, занимая центральную позицію

между селеніями: Большой Дженгутай, Дургели, Гилли, Параулъ и Кака-Шура.

Непріятель занялъ Кадаръ, небольшое, но крѣпкое селеніе на высокой горѣ, верстахъ въ 5-ти отъ нашего лагеря. О силахъ и измѣреніяхъ его, лазутчики давали намъ самыя нелѣпыя свѣдѣнія, а окрестные жители сами старались ввести насъ въ заблужденіе.

2-го Іюня, въ Кадарѣ замѣтно было необыкновенное движеніе; частые ружейные и пушечные выстрѣлы означали радостную встрѣчу новыхъ подкрѣпленій. — Вечеромъ того же числа, часть мюридовъ спустилась съ лѣсистаго хребта къ сел. Кака-Шура. Жители впустили ихъ безъ сопротивленія и даже не предувѣдомили о томъ Генерала.— Плоха была надежда и на другія мирныя селенія.

Г. *Пассекъ* донесъ объ усиленіи непріятеля Начальнику Дагестанского отряда, Генералу отъ Инфантеріи *Лидерсу,* а самъ сдѣлалъ слѣдующія распоряженія: двѣ роты съ однимъ единорогомъ заняли с. Дургели, просившее нашей помощи: столько же назначено въ прикрытіе лагеря, фуражировъ и подъемныхъ лошадей. Весь третій баталіонъ съ 2-мя орудіями, подъ командою извѣстнаго Подполковника *Познанскаго,* долженъ былъ подкрѣплять эти части и оборонять окрестныя селенія, въ особенности Больш. Дженгутай, куда непріятель легко могъ броситься, отвлекши наше вниманіе въ другую сторону. Затѣмъ свободными

отъ назначенія оставались: 1-й полубаталіонъ 1-го баталіона, 2-й полубаталіонъ 2-го баталіона Апшеронскаго же полка, два горныя 10-ти-ф. единорога резервной № 2-го батареи и 4 сотни казаковъ.

3-го Іюля, въ 6 часовъ утра, на высотѣ Дженгутая блеснули штыки. Это былъ 1-й баталіонъ Житомирскаго Егерскаго полка, выступившій ночью изъ Т. Х. Шуры въ подкрѣпленіе авангарду.

Генералъ, желая узнать силы и намѣренія непріятеля, отправился съ казаками къ с. с. Параулу и Гилли, лежащимъ верстахъ въ 8 отъ лагеря. Съ приближеніемъ его, многочисленная непріятельская конница, тянувшаяся туда же, начала отступать, потомъ сосредоточиваться, и наконецъ остановилась на возвышеніи, мимо коего идетъ дорога на живописное с. Карабудакентъ. Генералъ построилъ своихъ казаковъ на противуположной высотѣ. Полагая, но довольно глубокая лощина отдѣляла его отъ мюридовъ и не позволяла ни той, ни другой сторонѣ рѣшиться на аттаку.

Пассекъ горѣлъ желаніемъ наказать дерзость мюридовъ, но хотѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечить себѣ отступленіе и потому прислалъ мнѣ приказаніе немедленно выступить изъ лагеря со 2-мъ полубаталіономъ ввѣреннаго мнѣ 2-го баталіона, 1-мъ полубаталіономъ 1-го баталіона и двумя горными 10 ф. единорогами. — Солдаты мои вывернули котлы съ кашею, за которую только-что усѣлись, взяли по 60 патроновъ, оставили ранцы и шине-

ли, распахнули мундиры, и черезъ 10 минутъ двинулись, или, лучше сказать, понеслись на выручку любимому начальнику. День былъ знойный, но не смотря на это мы прошли 7 верстъ въ одинъ часъ.

Въ то же время приказано и 1-му баталіону Житомирскаго полка, шедшему изъ Т. Х. Шуры, оставить одну роту при тяжестяхъ, а premъ остальнымъ спѣшить на соединеніе съ кавалеріею.

Какъ только пѣхота приблизилась, Генералъ построилъ казаковъ лавами въ двѣ линіи, перешелъ лощину, о которой я упоминалъ, и ударилъ на непріятеля. Бѣглымъ шагомъ слѣдовалъ я за кавалеріею, чтобъ во время поддержать или принять ее на себя. Весело было смотрѣть на эту аттаку; почти ровная мѣстность благопріятствовала ей; удалые Донцы, на лихихъ коняхъ, (*) вмигъ настигли мюридовъ и вогнали ихъ въ самое с. Кака-Шуру. Но тутъ картина перемѣняется: скрытая непріятелемъ артиллерія открыла по казакамъ огонь и въ то же время изъ деревни и прилежащаго къ ней лѣса выбѣжали тѣсячи стрѣлковъ и показались густыя толпы пѣхоты. Казаки

(*) Донской № 38-го полкъ, пробывъ въ Грузіи 3 года, постоянно находился въ сборѣ и потому сберегъ коней. Весной 1844 года, предъ отправленіемъ на Донъ, ему приказано было присоединиться къ Дагестанскому отряду. Онъ воротился на Донъ только осенью, распустивъ Георгіевскіе штандарты, полученные за дѣло при Гилли.

начали отстрѣливаться и отступать. Генералъ приказалъ мнѣ остановиться и принять ихъ на себя.

Баталіонъ мой былъ построенъ во взводную колонну справа. На правомъ флангѣ, мимо коего должны были проѣзжать казаки, выдвинулись 2 орудія храбраго Артиллеріи Штабсъ Капитана *Лагоды*; ихъ прикрывали стрѣлки, которыми вызвался командовать Штабсъ Капитанъ *Щодра*. Шагахъ въ 15 впереди фронта стала густая цѣпь съ резервомъ, подъ командою прославившагося въ Дагестанѣ своею храбростію Капитана *Павлова*. Къ лѣвому флангу должны были примкнуть, спѣшившія къ намъ на помощь, три роты Житомирцевъ: наконецъ тылъ обезпечивали, сколько могли, казаки, которые старались вновь устроиться.

Мѣры эти при мѣткомъ картечномъ огнѣ, остановили первое стремленіе Горцевъ и не позволили сдѣлать тотчасъ единодушнаго натиска; частныя же попытки ударить въ шашки, отражались штыками стрѣлковыхъ резервовъ. Быть можетъ также Горцы надѣялись, что горсть солдатъ не будетъ долго сопротивляться, начнетъ отступать и тогда имъ легко будетъ отрѣзывать цѣпи, арріергардъ, захватывать раненыхъ и наконецъ истребить ослабленную колонну. Конечно съ этою цѣлію вся непріятельская кавалерія потянулась намъ въ обходъ и стала верстахъ въ 3-хъ на пути нашего отступленія.

Между тѣмъ толпы пѣхоты, постепенно густѣя, обхватили насъ съ трехъ сторонъ; рядъ разноцвѣтныхъ непріятельскихъ значковъ вытянулся по гребню небольшаго бугра, шагахъ въ 30 отъ нашего фронта; огонь до того усилился, что тысячи выстрѣловъ слились въ одинъ общій неумолкающій гулъ.—Въ это время подоспѣли три роты Житомирцевъ; но храбрый Командиръ ихъ, Подполковникъ *Кіандеръ*, тотчасъ же палъ пораженный тремя пулями.—Генералъ, чтобы сберечь людей и дать имъ хотя кратковременный отдыхъ, приказалъ всѣмъ, кромѣ стрѣлковыхъ цѣпей и ихъ резервовъ, прилечь.

Наступала грозная минута: мы были окружены почти въ 30 разъ сильнѣйшимъ непріятелемъ, всѣ окрестныя высоты были покрыты жителями, готовыми при первомъ нашемъ шагѣ назадъ, присоединиться и помогать Горцамъ. — Кромѣ того, мы начинали уже чувствовать недостатокъ въ патронахъ, а еще болѣе въ Артиллерійскихъ зарядахъ: при 2-хъ орудіяхъ осталось только 2 номера; роты также потеряли много людей, но раненыхъ не выносили, чтобъ избѣжать замѣшательства и не ослабить фронта. Раненые офицеры не оставляли своихъ частей. Всѣ понимали, что надобно умереть и желали только умереть съ честію; но Генералъ не терялъ надежды побѣдить. Не слѣзая съ коня, весело объѣхалъ онъ фронтъ и, приблизясь къ казакамъ спросилъ; «могутъ ли

они сдѣлать еще разъ аттаку?» «Почему нѣтъ Ваше Превосходительство» былъ короткій отвѣтъ молодцовъ. Генералъ приказалъ Подполковнику *Быкодорову* (*) построить казаковъ въ лаву, сотню за сотней, выдвинуть ихъ на лѣвый флангъ пѣхоты, и по данному сигналу, ударить вмѣстѣ съ нею.

Чтобы приготовить эту аттаку, *Пассекъ* велѣлъ перевести одно орудіе съ праваго фланга на лѣвый, гдѣ толпы мюридовъ были и многочисленнѣе и отважнѣе. Артиллеріи Шт.-Кап. *Лагода* исполнилъ это превосходно: пользуясь густою и высокою пшеницею, онъ перекатилъ единорогъ подъ самыми дулами непріятельскихъ ружей, поставилъ его не далѣе 10-ти шаговъ отъ нихъ и брызнулъ картечью вдоль значковъ. Это нѣсколько озадачило Горцевъ, а Генералъ не далъ имъ опомниться. «Ребята, воскликнулъ онъ, Татарва (*) бѣжитъ! Кто Апшеронецъ, за мной! Ура!» Солдаты, увѣренные что непріятель дѣйствительно обратился въ бѣгство, легко поднялись и бросились въ штыки, казаки ударили въ дротики: храбрый Лагода, не отвозя орудія, успѣлъ еще разъ выстрѣлить картечью.

Передніе мюриды дѣйствительно начали было

(*) Командиръ полка, Подполковникъ *Номикосовъ*, еще въ началѣ дѣла былъ раненъ въ руку и потому сдалъ командованіе.

(**) Презрительное солдатское прозвище, данное Дагестанцамъ.

колебаться; но на нихъ напирали заднія толпы, которымъ штыки и даже картечь не могла много вредить. Отъ этого произошла ужасная свалка: казаки, пѣхота и мюриды, перемѣшавшись, составили одну волнующуюся массу; крики *ура* сливались съ предсмертною пѣснію Горцевъ; пики, шашки, штыки, кинжалы и даже значки служили оружіемъ; *Пассекъ* своею рукою изрубилъ 2-хъ мюридовъ: солдаты не хотѣли выдать своего начальника. Такая рѣзня не могла быть продолжительною. Главная масса Горцевъ начала отступать: сперва медленно, а потомъ обратилась въ бѣгство, увлекая за собою толпы, бывшія у насъ на флангахъ и въ тылу. Тогда преслѣдованіе превратилось въ травлю; ожесточенные казаки и солдаты гнали, кололи мюридовъ, давили ихъ конями и наконецъ втоптали ихъ въ Кака-Шуру. Генералъ приказалъ ударить отбой: штурмовать большое селеніе, обороняемое артиллеріею и доведеннымъ до отчаянія сильнымъ непріятелемъ, было бы безразсудно.

Мнѣ не суждено было видѣть окончаніе этого славнаго боя: четвертая и послѣдняя рана въ голову выбила меня изъ фронта. Почти безъ чувствъ лежалъ я рядомъ съ Капитаномъ *Павловымъ*, которому пуля перешибла ногу. Къ намъ подъѣхалъ нашъ юный герой. «Радуйся, другъ мой! сказалъ онъ, мы отмстили за смерть (*) твою: знамя

(*) Онъ считалъ меня при послѣднемъ издыханіи.

Даргинскаго народа, 20 значковъ и нѣсколько сотъ тѣлъ, послужатъ тебѣ надгробнымъ памятникомъ!» И лицо его сіяло радостію, потому что онъ любилъ славу выше всего въ мірѣ; онъ считалъ ее достояніемъ родины, для которой каждый воинъ охотно жертвуетъ жизнію. Онъ сѣлъ снова на коня; конь его хромалъ отъ ранъ, шашка была покрыта кровью, но самъ онъ оставался невредимъ. И я подумалъ, что Провидѣніе бережетъ его для славы и пользы Россіи!...

Жители ближнихъ селеній, наблюдавшіе ходъ боя съ высотъ, поспѣшили поздравить насъ съ побѣдою и извиниться, что не успѣли подкрѣпить во время. «Я не нуждался въ вашей помощи, сухо отвѣтилъ имъ Генералъ, но могу поздравить васъ въ свою очередь съ тѣмъ, что вы не присоединились къ мюридамъ.»

Мюриды всю ночь убирали своихъ убитыхъ и раненыхъ; но по утру мы похоронили еще 245 тѣлъ, неотысканныхъ ими въ пщеницѣ. И долго спустя пастухи окрестныхъ ауловъ находили въ оврагахъ обезображенные трупы, все еще сжимавшіе окровавленное оружіе.

Первымъ послѣдствіемъ этой славной побѣды было успокоеніе Мехтулинскаго и Шамхальскаго владѣній; Акушинцы не только перестали тревожить наши границы, но оставили безъ защиты и свои собственныя. Они до того упали духомъ, что не дали обѣщанной помощи бывшему Султа-

ну Элисуйскому, который через четыре дня спустя былъ разбитъ на голову Генераломъ *Шварцомъ*. Черезъ 3 недѣли Акушинцы дрались уже противъ *Шамиля*.

По свѣденіямъ, собраннымъ Г. Командующимъ въ Сѣверномъ Дагестанѣ, видно, что въ дѣлѣ при Гилли участвовали: 9 главныхъ наибовъ *Шамиля* и съ ними 27,500 человѣкъ отъ обществъ, лежащихъ между Кара-Кайтахомъ и Андійскимъ Койсу. Противъ нихъ было: въ началѣ боя 1000, а подъ конецъ 1400 Русскихъ; но ими командовалъ *Пассекъ*.

А. ВРАНКЕНЪ.

(Изъ газеты: Кавказъ).